

М. Я. Саррина

**ТУРГЕНЕВ И АП. ГРИГОРЬЕВ:
ТВОРЧЕСКИЙ ДИАЛОГ (1852–1853)**

Литературно-критическая деятельность Тургенева, как показывают современные разыскания, не исследована в отечественном литературоведении в полной мере.¹ «Особенно интенсивной», по точному наблюдению Л. Н. Назаровой, она была в конце 1840-х — начале 1850-х годов, когда были созданы статьи, принадлежащие «к числу лучших произведений русской критики того времени, что неоднократно замечалось современниками писателя».² «В кругу московских западников <...>, — считает исследовательница, — после смерти Белинского возлагали на Тургенева большие надежды именно как на литературного критика».³ Критические статьи и рецензии Тургенева, созданные в эти годы, имеют «существенное значение» для понимания как литературно-эстетических воззрений писателя, так и принципов его творческого метода.

Исследователями неоднократно отмечался и тот факт, что многие статьи Тургенева указанного периода заведомо полемичны. Б. Ф. Его-

¹ Н. П. Генералова отметила недостатки хронологического принципа распределения статей, рецензий, предисловий и открытых писем в Полном собрании сочинений и писем Тургенева, следствием которого является разрушение целостного восприятия критического наследия Тургенева (см.: *Генералова Н. П. И. С. Тургенев. Россия и Европа: Из истории русско-европейских литературных и общественных отношений*. СПб., 2003. С. 485–486).

² *Назарова Л. Н. О литературно-критической деятельности Тургенева // Социально-философские концепции русских писателей-классиков и литературный процесс. Межвузовский сборник научных трудов. Ставрополь, 1989. С. 114.*

³ Там же.

ров посвятил фундаментальное исследование литературно-эстетической борьбе, где отметил разгорание «журнальной войны» между московскими и петербургскими журналами, в частности между «Современником» и «Москвитянином» в начале 1850-х годов.⁴ Л. Н. Назарова, исследуя отзывы о критических статьях Тургенева, также приводит факты журнальной полемики и называет одного из главных идеологов «молодой редакции» московского журнала Ап. Григорьева «антагонистом Тургенева».⁵

Наблюдения отечественных литературоведов позволяют сделать вывод о том, что в начале 1850-х годов творческий диалог Григорьева и Тургенева был наиболее интенсивным. Б. Ф. Егоров, высказав наблюдение о воздействии на Григорьева литературно-критических статей Тургенева, так пишет о новаторстве Тургенева-критика, деятельность которого оценивает очень высоко: «Тургенев, например, на протяжении всех сороковых годов, то есть одновременно со славянофилами и с Белинским и задолго до Островского и Ап. Григорьева, серьезно думал (и частично реализовал это в художественном творчестве) о сущности русского национального характера, а в период „мрачного семилетия“ неоднократно высказывался на эту тему в своих статьях <...>. И несколько не меньше славянофилов или Ап. Григорьева Тургенев тревожился по поводу всеобщего „раздробления“, по поводу измельчания литературы и критики».⁶ Среди конкретных наблюдений ученого следует отметить следующее: «Не исключено, что Григорьев стал применять „одоральные“ (обонятельные) эпитеты к социальным и эстетическим понятиям под влиянием И. С. Тургенева <...>. Вообще Тургенев, вероятно, оказал своими статьями значительно большее влияние на Григорьева периода „мрачного семилетия“, чем это можно было бы предполагать, зная органическую вражду Григорьева того времени к статьям некрасовского „Современника“».⁷ Это наблюдение и общую оценку влияния литературно-критических статей писателя поддержала и Л. Н. Назарова.⁸

⁴ См.: *Егоров Б. Ф.* Борьба эстетических идей в России середины XIX века. Л., 1982. С. 16–39.

⁵ *Назарова Л. Н.* О литературно-критической деятельности Тургенева. С. 115.

⁶ *Егоров Б. Ф.* Борьба эстетических идей в России середины XIX века. С. 20.

⁷ Там же. С. 256. Б. Ф. Егоров приводит характеристику Тютчева и Фета из рецензии Тургенева на «Записки ружейного охотника Оренбургской губернии» С. Т. Аксакова: «им более всего доступен запах красоты, и слова их душисты» (*Егоров Б. Ф.* О мастерстве литературной критики. Жанры. Композиция. Стиль. Л., 1980).

⁸ *Назарова Л. Н.* О литературно-критической деятельности Тургенева. С. 115.

Сказанное позволяет поставить вопрос о «реконструкции» творческого диалога писателя и критика в начале 1850-х годов в качестве актуальной научной задачи. Об особой напряженности этого диалога, безусловно, свидетельствует факт написания Тургеневым полемически заостренного против Григорьева и уничтоженного писателем по настоянию друзей предисловия к отдельному изданию цикла «Записки охотника» (1852). Первым условием такой «реконструкции» является изучение всех отзывов Григорьева о критических статьях и рецензиях Тургенева указанного периода.

В содержательной статье «К вопросу об оценке литературно-критической деятельности И. С. Тургенева его современниками (1851–1853 годы)» и в преамбуле к разделу «Критические статьи и рецензии» в Полном собрании сочинений и писем писателя Л. Н. Назарова правомерно уделяет большое внимание истории создания статьи «„Племянница“. Роман, соч. Евгении Тур» и откликам на нее как самой писательницы (под этим псевдонимом скрывалась графиня Е. В. Салиас де Турнемир) и ее окружения, так и в периодической печати. Рассматривая эту статью в связи с работой Тургенева над романом «Два поколения», исследовательница отмечает, что в ней писатель «по существу изложил свою теорию романа, высказался по поводу будущего развития этого жанра в России, где, по его мнению, возможны лишь романы сандовского и диккенсовского типа, т. е. романы с социальной проблематикой и социальными типами».⁹ Исследовательница констатирует местами «иронический и снисходительный»¹⁰ тон рецензии на роман Е. Тур, которая была одобрена кругом Грановского, но очень рассердила автора. Об этом свидетельствует письмо тогдашнего приятеля Тургенева Е. М. Феоктистова, сообщавшего, что графиня Е. В. Салиас «крайне недовольна статьею, находит ее весьма неблагоприятною для себя и думает, что она только повредит роману». Сам же корреспондент Тургенева считал, что статья «сверху донизу написана ужасно умно и вполне блестящим образом», что недостатки романа взяты «очень верно и ловко и развиты блестящим образом», однако отмечал, что некоторые выражения статьи «достаточно жесткие»¹¹ и что многие отмечают «несколько *покровительственный*

⁹ ПССиП(2). Соч. Т. 4. С. 657.

¹⁰ Там же.

¹¹ Письмо Феоктистова к Тургеневу от 14 (26) января 1852 г.: Письма Е. М. Феоктистова к И. С. Тургеневу. Ч. 1: 21 февраля 1851 — 29 марта 1852 / Публ. Э. Г. Гайнцевой // Ежегодник Рукописного Отдела Пушкинского Дома на 1998–1999 год. СПб., 2003. С. 193.

тон» рецензии.¹² Представляет интерес и другое свидетельство Феоктистова: «Критика Ваша на „Плем<янницу>“ понравилась тут многим умным людям, — но москвитянины на нее в ярости и хотят разбирать ее».¹³ Очень высоко отозвался о рецензии В. П. Боткин, писавший, что «все, не принадлежащие к маленькому приходу графини, — решительно восхищаются» статьей Тургенева.¹⁴

В комментариях к статье в Полном собрании сочинений и писем Тургенева Л. Н. Назарова приводит отзывы о ней в периодической печати, в частности, цитату из обзора первой книги «Современника» за 1852 год в № 3 журнала «Москвитянин». Обозреватель констатирует редкость справедливых отзывов о литературных произведениях, которая обусловлена доминированием «посторонних отношений» авторов рецензий, и отмечает как приятное исключение «явное желание рецензента сказать правду, как он ее разумеет».¹⁵ Однако у автора обзора вызвали возражения изложенное «неясно <...> деление талантов на объективные и субъективные», «деление публики на критиков и читателей» (о которых автор статьи «думает дурно») и «мнение рецензента, будто Евгения Тур — русская женщина». «Евгения Тур — женщина умная, талантливая, замечательная в литературе, — возражает обозреватель, — но где же русские черты?»¹⁶ Общий вывод критика «Москвитянина» таков: рецензия «отличается некоторой бесцеремонностью в тоне, которой можно было бы избежать без вреда истине».¹⁷ Конечно, столь благоприятный отклик о статье Тургенева был вызван в том числе и тем, что в нем прозвучала критика «своих», то есть московских западников, к которым можно причислить круг гр. Салиас, а также круг Т. Н. Грановского. Не случайно сама графиня писала одному из своих

¹² Письма Е. М. Феоктистова к И. С. Тургеневу. Ч. 1. С. 198. Письмо от 28 января (9 февраля) 1852 г.

¹³ Там же.

¹⁴ В. П. Боткин и И. С. Тургенев. Неизданная переписка. 1851–1869. По материалам Пушкинского Дома и Толстовского музея / Приготовил к печати Н. Л. Бродский. М.; Л., 1930. С. 12.

¹⁵ <Филиппов Т. И.> Современник. Январь 1852 года. № 1 // Москвитянин. 1852. № 3. С. 87. Об авторстве см.: Егоров Б. Ф. Аполлон Григорьев — критик. Ст. 1. Приложения. 1 // Ученые записки Тартуского гос. ун-та. Тарту, 1960. Вып. 98. С. 230–231.

¹⁶ Москвитянин. 1852. № 3. С. 87.

¹⁷ Там же. С. 88.

друзей: «Если о романе отзывается так дружеский журнал, что же скажут другие — враги». ¹⁸

Вероятно, и сотрудники журнала «Современник», и московские западники, ожидавшие ответа от «ярых москвитяинов», были уверены, что автором отзыва о статье Тургенева является Григорьев, который до 1852 года готовил обозрения «Современника» в московском журнале. Этой же точки зрения придерживалась Л. Н. Назарова. Между тем атрибуция этой рецензии кажется очевидной лишь на первый взгляд. Трудность атрибуции обусловлена, во-первых, тем, что она не была подписана, во-вторых, отсутствием единых стандартов в оформлении раздела «Критика. Журналистика» в редакции журнала «Москвитяин». Обозреватели (Т. Филиппов, Б. Алмазов, Е. Эдельсон) не подписывали свои рецензии, и лишь Григорьев в первых номерах ставил криптоним «Г.». Подпись «А. Григорьев» критик поставил только после четвертой, итоговой статьи обзора «Русская литература в 1851 году». Обзоры «Библиотеки для чтения» шли в разделе «Журналистика» после обзоров «Современника» и «Отечественных записок», и криптоним «Г.» в конце раздела в первых номерах за 1852 год мог привести читателей к выводу о том, что Григорьев обозревал все указанные выше журналы.

В статье «Аполлон Григорьев — критик» Б. Ф. Егоров приводит факты, убедительно доказывающие, что в 1852 году Григорьев и Т. И. Филиппов «поменялись» журналами: первый стал обозревать «Библиотеку», второй — «Современник». ¹⁹

Можно выдвинуть несколько предположений о причинах такой замены. Во-первых, это разногласия внутри редакции журнала «Современник», которые привели к уходу из журнала А. В. Дружинина, родоначальника жанра месячного обозрения, которое «сливалось с фельетоном». ²⁰ С мая 1851 года обозревателем журналов в «Современнике» стал И. И. Панаев, для ежемесячных обзоров которого, так же как и для обзоров Дружинина, были характерны «внешняя занимательность» и «легковесные отступления». ²¹ Однако фельетоны Панаева отличала большая категоричность, «бесцеремонность и фамильярность». ²² Оче-

¹⁸ Письмо к К. Н. Бестужеву-Рюмину, датированное предположительно серединой января 1852 г. Цит. по: Письма Е. М. Феоктистова к И. С. Тургеневу. Ч. 1. С. 194. Датировка Э. Г. Гайнцева.

¹⁹ Егоров Б. Ф. Аполлон Григорьев — критик. Ст. 1. Приложения. 1. С. 231.

²⁰ Егоров Б. Ф. Борьба эстетических идей в России середины XIX века. С. 49.

²¹ Там же. С. 51.

²² Там же.

видно, что Григорьев, вообще не склонный к «сенковщине» (термин Краевского), не мог быть хорошим фельетонистом и «соперничать» с Панаевым в остроумии иронических высказываний по поводу литературных произведений. Однако есть и другая, безусловно более важная причина. Григорьев высоко ценил талант и образованность Дружинина, называя его «самым парадоксальным, но вместе самым образованным и самым умным из наших критиков».²³ Поэтому после ухода Дружинина в журнал «Библиотека для чтения» Григорьев стал обозревать именно этот журнал.

Нужно признать, что ошибочность выбора кандидатуры обозревателя «Современника» в «Москвитяине» поняли очень быстро. Ведь Третий Иванович Филиппов отличался от других сотрудников «молодой редакции» «Москвитянина» религиозностью, консерватизмом и в то же время «большой терпимостью к мнениям, исходящим из „чужого“ лагеря»,²⁴ за что его и критиковал Григорьев. Так, на отзыв о статье Тургенева «Несколько слов о новой комедии г. Островского „Бедная невеста“» Григорьев откликнулся неодобрительно: «Статье г. И. Т. (о „Бедной невесте“) отдана была полная справедливость в нашем журнале <...> — хотя рецензент наш взглянул, как нам кажется, слишком снисходительно на ее поучительный тон».²⁵

Филиппов также не мог конкурировать в жанре обзора с Панаевым, и весной 1852 года обозревателем «Современника» стал Б. Н. Алмазов, «живой, ироничный, полный энергии и молодой непрактичности», стремившийся «ругаться и драться».²⁶

Исследования Б. Ф. Егорова позволяют внести ряд важных дополнений в изучение «критического полотна» вокруг произведений Тургенева и обозначить проблему изучения отношения Григорьева к рецензии Тургенева и к творчеству писательницы Е. Тур. Мнение Григорьева о статье Тургенева не известно, ведь короткая реплика Феоктистова о «ярости москвитянинов» не является абсолютным доказательством отрицательного отношения Григорьева к рецензии Тургенева. Можно лишь предположить, что написал бы Григорьев, если бы продолжал

²³ Григорьев А. А. Русская изящная литература в 1852 году // Москвитянин. 1853. № 1. С. 16. Далее — *Русская изящная литература в 1852 году*.

²⁴ Егоров Б. Ф. Борьба эстетических идей в России середины XIX века. С. 31.

²⁵ <Григорьев А. А.> Библиотека для чтения. Апрель. № 4 // Москвитянин. 1852. № 9. С. 40. Об авторстве см.: Егоров Б. Ф. Аполлон Григорьев — критик. Ст. 1. Приложения. 1. С. 229–231.

²⁶ Егоров Б. Ф. Борьба эстетических идей в России середины XIX века. С. 33.

обозревать «Современник». Вероятно, в своем отзыве Григорьев затронул бы ряд чрезвычайно важных для него вопросов.

Разумеется, Григорьеву была близка мысль Тургенева о «постоянной внутренней связи» таланта «с жизнью вообще — этого вечного источника всякого искусства — и с личностью писателя в особенности» и о «необходимой духовной связи»²⁷ между героями и автором. Эти идеи, вполне вписывающиеся в идеологию «почвенничества», писатель развил позднее в статье «Несколько слов о стихотворениях Ф. И. Тютчева» (1854): «...мы восстаем только против отделения таланта от той **почвы**, которая одна может дать ему и **сок и силу** <Выделено мною. — М. С.> — против отделения его от жизни той личности, которой он дан в дар, от общей жизни народа, к которой как частность принадлежит сама та личность».²⁸ Недаром Тургенев согласился с наблюдением П. В. Анненкова о «роковой связи, которая находится между талантом и жизнью»: «Никто больше меня не признает той роковой связи между жизнью и литературной деятельностью, о которой Вы говорите — но эту связь не сами мы делаем — вот в чем штука».²⁹ Именно «соразмерность» таланта и жизни является, по Тургеневу, признаком гениального творца: «...на одном г. Тютчеве лежит печать той великой эпохи, к которой он принадлежит и которая так ярко и сильно выразилась в Пушкине; в нем одном замечается та соразмерность таланта с самим собою, та ответственность его с жизнью автора — словом, хотя часть того, что в полном развитии своем составляет отличительные признаки великих дарований».³⁰

Мысль Тургенева о связи литературы и жизни почти тождественна концепции Григорьева об «органичности» литературы, о ее связи с жизнью, со временем и почвой, о произведении искусства как отражении мирозерцания поэта. «Широта или узкость мирозерцания обуславливается эпохой, страной, одним словом, временными и местными историческими обстоятельствами»,³¹ — писал критик. По мысли Турге-

²⁷ ПССиП(2). Соч. Т. 4. С. 473, 474.

²⁸ Там же. С. 525. В этой статье очень много метафор и сравнений, близких «растительным» метафорам Григорьева периода «органической критики». Например: «Из отрубленного, высохшего куска дерева можно выточить какую угодно фигуру; но уже не вырасти на том суке свежему листу, не раскрыться на нем пахучему цветку, как ни согривай его весеннее солнце» (Там же).

²⁹ Там же. Письма. Т. 2. С. 207. См. также примечания к цитируемому письму Тургенева к Анненкову от 24 февраля (8 марта) 1853 г. (Там же. С. 511).

³⁰ Там же. Соч. Т. 4. С. 524.

³¹ Г<Григорьев А. А.> Русская литература в 1851 году. Статья вторая. Общий взгляд на современную изящную словесность и ее исходная историческая точка //

нева, отделение таланта от «почвы» и личности творца ведет писателя к «дешевой власти его над своим опошленным вдохновением», к превращению «живого дарования» в «мертвую игрушку».³² Проблема сочинительства, «заданной наперед мысли», которая приводит к ложному взгляду на действительность и к созданию мертвых, ложных образов, является одной из основных в критических статьях Григорьева начала 1850-х годов. В частности, за присутствие «заданной наперед мысли» он критиковал некоторые рассказы самого Тургенева.

Статья Тургенева о романе «Племянница» и первая статья годового обзора Григорьева «Русская литература в 1851 году» были опубликованы в январских номерах журналов «Современник» и «Москвитянин» за 1852 год. Уже сам факт одновременного обращения писателя и критика к проблеме мировоззрения художника и взаимоотношений автора и его героев является, безусловно, очень значимым. Чрезвычайно важно также, что критик и писатель одновременно ставили вопрос о психологии творчества. Фактически именно эту проблему решала «историческая критика» Григорьева. Тургенева также волновала тайна «сущности связи» между «живыми» (Выделено мною. — М. С.) героями и их гениальным творцом (Гоголем), разрешение «которой подпадает уже не критике, а психологии». Эпитет «живой» очень значим и в данной статье Тургенева, и в работах Григорьева. По мысли критика, «истинный художник сам верует в разумность создаваемой им жизни, свято дорожит правдою, и оттого мы в него веруем», поэтому в произведениях истинного гения всегда есть подлинная жизнь, «сквозит очевидно созерцаемый им идеал».³³ Размышляя о тайне творческого процесса, Григорьев цитирует строки из «Портрета» Гоголя: «предметы видимого мира отразились сперва в душе самого художника», считая, что образы могут быть «не мертвыми сколками с видимых явлений, а живыми, самостоятельными созданиями», только если в них «просвечивает душа создавшего».³⁴ Тургенев, размышляя о творчестве Гоголя, еще в 1845 году в статье, вышедшей анонимно на французском языке в газете «Illustration», высказал аналогичное, очень тонкое наблюдение об искусстве Гоголя «вдыхать жизнь во все описания вещей и людей» и о «живом и глу-

Москвитянин. 1852. № 2. С. 16. Работа Григорьева «Русская литература в 1851 году» (в 4-х статьях) была опубликована вновь только один раз, в издании под редакцией В. С. Спиридонова (*Григорьев А.* Полн. собр. соч. и писем: В 12 т. Пг., 1918. Т. 1. С. 96–140. Этот том, к сожалению, оказался единственным).

³² ПССиП(2). Соч. Т. 4. С. 525.

³³ Г<ригорьев А. А.> Русская литература в 1851 году. Статья вторая. С. 18.

³⁴ Там же. С. 18–19.

боком вдохновении, которое одушевляет произведение искусства подобно факелу Прометея».³⁵ И для Тургенева, и для Григорьева именно критерий «живой/неживой» является основным для оценки художественных образов, ведь живые образы способен создавать только гениальный художник.³⁶

Роману «Племянница» Григорьев уделил большое внимание в четвертой статье годового обзора «Русская литература в 1851 году». Образы героев романа и писатель и критик оценивают в соответствии с критерием «живой/неживой». Если Тургенев подробно останавливается на образе Чельского («Князь Чельский тоже неживое лицо»),³⁷ то Григорьев — на образе Ильменева. Для Григорьева Ильменев является «представителем идеальных стремлений в романе и в сердце героини», однако в этом персонаже «нет ничего *живого*, типического» (Выделено мною. — М. С.): «...Ильменев ходячая абстракция, часто смешная и как будто умышленно поставленная в положение жертвы. <...> в нем крови нет, жизни нет, он слишком апатичен, чтобы можно было ставить во что-нибудь его жертвы. Таких людей не бывает...».³⁸ Критик делает вывод о том, что если бы автор точно верил в «высшие требования» (олицетворением которых является Ильменев), то герой этот получился

³⁵ ПССиП(2). Соч. Т. 12. С. 515, 514. Подлинник по-франц. Об истории атрибуции этой статьи и дополнительные аргументы в пользу авторства Тургенева см.: Генералова Н. П. И. С. Тургенев. Россия и Европа. С. 89–92.

³⁶ Определение «живой» образ Григорьев использовал еще в 1850 г. В своей части обзора «Русская литература в 1849 году», критикуя романы «Кто виноват?» Герцена за «отсутствие соразмерности частей и принесение всего в жертву заданной мысли» и «Обыкновенная история» Гончарова за «натянутое развитие наперед заданной мысли», Григорьев отметил: «...г. Тургенев — истинный художник, и образы, созданные им — действительно *живые* существа, а не куклы, на которых в виде ярлычка наклеены известные идеи» (ОЗ. 1850. Т. 68. № 1–2. Отд. V. С. 16). Авторство Григорьева в данной части «Обзрения русской литературы за 1849 год» было установлено Б. Ф. Егоровым (см.: Егоров Б. Ф. Аполлон Григорьев — критик. Ст. 1. Приложения. 1. С. 229). В 1852 г., в статье о комедии «Бедная невеста» Тургенев использует сравнение, аналогичное сопоставлению Григорьева «деланных» образов героев, выражающих «заданную мысль», «куклам с ярлычками»: «К чему, спрашивается, человеку с талантом г. Островского приклеивать своим героям такие ярлыки, напоминающие свитки с словами, выходящие изо рта фигур на средневековых картинках!» (ПССиП(2). Соч. Т. 4. С. 494).

³⁷ Там же. С. 483.

³⁸ Григорьев А. Русская литература в 1851 году. Статья четвертая и последняя. Литературные явления прошедшего года // Москвитянин. 1852. № 4. С. 106. Григорьев полностью выставил свое имя лишь под четвертой, завершающей статьей обзора (первая и третья статьи шли без подписи, вторая под криптонимом «Г.»).

бы совсем другим и смог бы оказать на Машу гораздо большее влияние. Но вероятно, что «эти требования в душе героини романа только роскошь, только прихоть изящной светской натуры».³⁹ Говоря о чувствах главной героини, Григорьев подразумевает, несомненно, автора романа. И поскольку чувства и мысли автора о герое не «рождены», а сочинены, являются «роскошью», «прихотью», или — говоря словами Тургенева — в них не «струится» «собственная кровь» творца, то и образ получился «неживым».⁴⁰

Удивительную близость суждений писателя и критика ярко иллюстрирует сравнение процитированного выше отрывка из отзыва Григорьева о романе «Племянница» (статья опубликована в феврале 1852 г.) и следующий фрагмент из рецензии Тургенева «Несколько слов о новой комедии г. Островского „Бедная невеста“» (опубликована в марте 1852 г.): «Марья Андреевна — лицо решительно неживое: она вся сочинена; впечатление, оставляемое ею, неясно <...>».⁴¹ Читателю «в самое существование Марьи Андреевны <...> плохо верится; а жертва ее не возбуждает в нем ни сожаления, ни ропота».⁴² Образ Марьи Андреевны именно потому «не удался», что он сочинен, что в нем нет «жизненной необходимости». «Видно, что г. Островский **хотел создать** <Выделено мною. — М. С.> в Марье Андреевне лицо значительное...»,⁴³ — пишет

³⁹ Григорьев А. Русская литература в 1851 году. Статья четвертая. С. 106.

⁴⁰ Необходимо отметить, что оппозиция «созданное» / «сочиненное» впервые возникла в ранней работе Белинского «Литературные мечтания». Б. Ф. Егоров, отмечая влияние на Григорьева работ раннего Белинского, писал об использовании Григорьевым лексических и стилистических приемов автора «Литературных мечтаний»: «Например, следующие фразы молодого Белинского как будто бы написаны самим Ап. Григорьевым: „...Бальзак не выдумал, а создал его <образ Феррагуса. — Б. Е.>, оттого, что он мерещился ему прежде, нежели была написана первая строка повести, что он мучил художника до тех пор, пока он не извел его из мира души своей в явление, для всех доступное“ <...>; „...такие создания или не выношены в душе, не рождены, а выкинуты, как недоноски, прежде времени, или <...> авторы, вследствие своих ложных понятий об искусстве или вследствие целей и расчетов каких-нибудь, хитрили и мудрили или писали иногда в холодные, прозаические минуты...“ <...>» (Егоров Б. Ф. О мастерстве литературной критики. Жанры. Композиция. Стилль. С. 87–88).

⁴¹ ПССиП(2). Соч. Т. 4. С. 496. Аналогичное замечание об образе главной героини высказал в письме к Тургеневу В. П. Боткин: «Главное лицо, — бедная невеста, — не внушает к себе участия, потому что не веришь ей, от нее пахнет сочинительством, а не живым человеком» (В. П. Боткин и И. С. Тургенев. Неизданная переписка. С. 22).

⁴² ПССиП(2). Соч. Т. 4. С. 498.

⁴³ Там же.

Тургенев, видя в этом причину отсутствия жизни в ее образе. Григорьев бы написал так: в образе «присутствует заданная наперед мысль», поэтому он ложен. Необходимо отметить, что о присутствии «теоретического начала в комедии», о «теории, предпосланной художнической работе»,⁴⁴ как о причине «неопределенного, неудачного» образа Марьи Андреевны писали и другие критики, однако термин «неживой» образ употребил именно Тургенев. Возможно, именно после Тургенева этот термин стал активно использоваться петербургскими критиками. Например, рецензент «Отечественных записок» А. Д. Галахов в статье о «Бедной невесте» (ОЗ. 1852. № 4) писал, что некоторые образы комедии «хороши, потому что верны действительности и ясно представлены».⁴⁵ А уже год спустя в рецензии на комедию «Не в свои сани не садись» (ОЗ. 1853. № 4) речь идет об искусстве автора, состоявшем «не в том, чтобы прикрасить данный простой материал и придать ему мнимое разнообразие выдумками своего изобретения, но в том чтобы облечь его в художественную форму, то есть обставить его **живыми** <Выделено мною. — М. С.> характерами <...>».⁴⁶ В фельетоне «Современные заметки» (Современник. 1853. № 4) Панаев также характеризует образы Русакова и Бородкина как «живые лица, взятые из жизни, без всяких прикрас».⁴⁷

Сопоставление рассуждений Тургенева и Григорьева о сочинительстве в литературе позволяет говорить об определенной общности критериев в оценке художественного произведения. По-видимому, вдумчивый, серьезный диалог писателя и критика по этой проблеме в печати и переписке был невозможен из-за непримиримого антагонизма между «Современником» и «Москвитянином», а также из-за исключительно насмешливого тона и предвзятого отношения петербургских литераторов к творчеству Григорьева.

⁴⁴ <Галахов А. Д.> Бедная невеста // Критическая литература о произведениях А. Н. Островского. М., 1906. Вып. 1 (1852–1859) / Издание составил Н. Денисюк. С. 125. Об авторстве см.: *Егоров Б. Ф.* Ошибочно приписанные С. С. Дудышкину статьи // Ученые записки Тартуского гос. ун-та. 1962. Вып. 119. С. 230.

⁴⁵ <Галахов А. Д.> Бедная невеста // Критическая литература о произведениях А. Н. Островского. С. 128.

⁴⁶ <Кудрявцев П. Н.> Не в свои сани не садись // Там же. С. 159. Об авторстве см.: *Островский А. Н.* Полн. собр. соч.: В 12 т. М., 1973. Т. 1. С. 542. Комментар. Э. П. Ефременко, Е. И. Прохоровой, Л. П. Смирновой.

⁴⁷ *Новый поэт <Панаев И. И.>* Современные заметки. (Заметки и размышления Нового Поэта по поводу русской журналистики) // Критическая литература о произведениях А. Н. Островского. С. 153. Авторство раскрыто в оглавлении сборника.

В какой-то степени этот общий иронический тон именно по отношению к Григорьеву взял и Тургенев в своей работе о комедии Островского «Бедная невеста». Однако сопоставление работ писателя и критика заставляет задуматься, касалась ли эта ирония общих положений эстетики Григорьева. Слишком во многом рецензии Григорьева словно повторяли, дополняли мысли самого Тургенева. Вряд ли покажется случайным совпадением и то, что наблюдения критика о «сочинительстве», неуместном острословии некоторых рассказов из цикла «Записки охотника» высказаны именно во время размышлений писателя о необходимости «новой манеры» с обязательной реалистичностью описания, типичностью живых образов и простотой повествования.

Рассуждения Тургенева о «живых» образах связаны с одним из основных положений его статьи «„Племянница“». Роман, соч. Евгении Тур», где писатель высказал мысль о двух типах произведений: первые живы потому, что «в них самостоятельно сосредоточивалось живое начало» (то есть они отделены от личности самого писателя), и вторые, «пожалуй, тоже могут стоять на своих ножках, но рука, их поставившая, от них не отнимается, пульс их бьется не своею кровью, вера в их существование сопрягается с некоторым усилением».⁴⁸ В последних при недостатке мастерства и истинности больше «искренности, задушевности и теплоты», независимые же таланты создают живые образы, то есть типы. Относя талант Е. Тур ко второму разряду, писатель отмечает, что многие лица героев ее романа «бледны, лишены той цепкости типической, той жизненной выпуклости, которые одни не дают себя забыть».⁴⁹ «...Ни одно из лиц этого романа, за исключением Антонины, не останется в памяти читающей массы <...>», — делает вывод Тургенев.⁵⁰

Эту мысль писатель развил в статье о комедии Островского, сама идея которой была подсказана Тургеневу едва ли не Е. М. Феоктистовым, писавшим 17–18 (29–30) марта 1851 года: «Признаюсь Вам, я подумал, слушая эту статью <Речь идет о рецензии на «Альманах стихотворений, изданный Я. М. Поздняковым...», напечатанной в № 3 «Современника» за 1851 г. — М. С.>, что бы Вам написать несколько страниц об школе Островского. Она теперь высказывается мало-помалу в „Москвитянине“».⁵¹ При этом корреспондент Тургенева недвусмысленно намекал на то, кто должен стать главным объектом его кри-

⁴⁸ ПССиП(2). Соч. Т. 4. С. 474.

⁴⁹ Там же. С. 481.

⁵⁰ Там же.

⁵¹ Письма Е. М. Феоктистова к И. С. Тургеневу. Ч. 1. С. 163.

тики: «Так, например, если Вы читаете его <<Москвитянин». — М. С.>, то могли заметить, что Григорьев при разборе „Пантеона“ откровенно признался, что он и К^о не слишком высоко ставят Мольера».⁵² Правда, это пожелание было осуществлено Тургеневым лишь через год.

«Торжество поэтической правды», писал Тургенев в статье «Несколько слов о новой комедии г. Островского „Бедная невеста“», наступает, «когда образ, взятый художником из недр действительности, выходит из рук его типом, и самое название, как, например, название Хлестакова, теряет свою случайность и становится нарицательным именем».⁵³ Позднее, в Речи на открытии памятника Пушкину в Москве, писатель прямо назвал способность создавать типы признаком гениальности художника: «Ограничимся замечанием, что Пушкин в своих созданиях оставил нам множество образцов, типов (еще один несомненный признак гениального дарования!), — типов того, что совершилось потом в нашей словесности».⁵⁴ Талант Гоголя писатель относит к «независимым», в его произведениях лица «стоят, как говорится, на своих ногах, как живые».⁵⁵ Островский же на глазах читателей «забирается в душу каждого из лиц, им созданных; но мы позволим себе заметить ему, что эта бесспорно полезная операция должна быть свершена автором предварительно. Лица его должны находиться уже в полной его власти, когда он выводит их перед нами».⁵⁶ По мысли писателя, талант Островского второго разряда, то есть объективный. Пульс его героев «бьется не своею кровью», поэтому автору не суждено создавать типы.⁵⁷

Мысль Тургенева о двух категориях талантов очень близка идее Григорьева о двух категориях творцов, о которых критик размышлял на примерах театральных актеров: есть актеры — создатели типов (они «способны создавать цельные, полные типы, отрешаясь почти совершенно от собственной личности») и актеры, изображающие личность.

⁵² Там же.

⁵³ ПССиП(2). Соч. Т. 4. С. 492.

⁵⁴ Там же. Т. 12. С. 346.

⁵⁵ Там же. Т. 4. С. 474.

⁵⁶ Там же. С. 495.

⁵⁷ Эта мысль Тургенева тоже была «подхвачена» петербургской критикой. Например, в рецензии на комедию «Не в свои сани не садись» (ОЗ. 1853. № 4) читаем: «Вообще, поэтическим созданиям г. Островского недостает этой удивительной прозрачности в характерах, к которой приучены мы Гоголем, <...> или, пожалуй, создания г. Островского и прозрачны настолько, что за ними нередко видится, чувствуется движущая ими рука самого автора и временем даже управляющая их действиями» (Критическая литература о произведениях А. Н. Островского. С. 164).

Эти актеры «на всякое создание налагают клеймо своей собственной личности, создают, так сказать, чертами, а не целостно».⁵⁸

Проблему типа в литературном произведении Григорьев затронул в нескольких статьях начала 1850-х годов, однако более подробно проанализировал ее позднее. В работе о творчестве Проспера Мериме критик сначала дал определение объективности: это «свойство человека отождествляться с представляемым, описываемым, изображаемым им предметом, способность отрешаться от своей личности и ее обстановки и переноситься в чужие личности с иною обстановкой». Объективность является обязательной для художника, который «потому и художник, что он воспроизводит типы — отрешает впечатления от всего частного, личного, случайного — и возводит его в перл создания».⁵⁹ Далее критик выделил три ступени объективности: способность замечать и копировать точно явления действительности, «синтетическую, непосредственную» способность «видеть орлиным оком общее в частном», то есть создавать типы, которые являются «общими, отрешенными образами повседневных явлений», и третью высшую ступень: «силу, воодушевленную идеалом».⁶⁰ Высшей ступени достигли лишь гении: Шекспир, Гёте, Гоголь.

Сопоставление критических статей Тургенева и Григорьева позволяет с уверенностью говорить о том, что проблема типа в художественном произведении была в начале 1850-х годов чрезвычайно значимой и для писателя, и для критика. Более того: можно даже утверждать, что в восприятии проблемы «типа» и «типизации» у Тургенева больше общего с Григорьевым, чем с Белинским, понимавшим «типическое в духе принципов „натуральной школы“ <...> именно как типологическое, закономерное для *многих* сходных явлений»,⁶¹ и настаивавшим на типизации как на необходимом жанровом признаке беллетристики.

Понятие «объективного» было неразрывно связано для Тургенева с проблемой «субъективности» и «искренности» в искусстве. Вероятно, рецензия на роман Е. Тур писалась во многом с намерением решить прежде всего для себя, при переходе к «новой манере», проблему соот-

⁵⁸ Григорьев А. А. Театральная критика / Под ред. А. Я. Альтшуллера и Б. Ф. Егорова. Л., 1985. С. 78.

⁵⁹ <Григорьев А. А.> Современные лирики, романисты и драматурги. П. Мериме // Москвитянин. 1854. № 11. С. 133–134. Авторство раскрыто в оглавлении. Об авторстве также см.: Егоров Б. Ф. Аполлон Григорьев — критик. С. 231–232.

⁶⁰ Там же.

⁶¹ Егоров Б. Ф. О мастерстве литературной критики. С. 127.

ношения «личного взгляда» художника и объективного творчества. В отличие от многих рецензентов «Племянницы», Тургенева волновал не столько гендерный аспект («женский роман» как жанр), сколько выявление признаков субъективизма в творчестве и попытка дать оценку понятию «субъективного». Эти размышления писатель продолжил в рецензии на «Записки ружейного охотника Оренбургской губернии» С. Т. Аксакова.

Аксаков, по мнению Тургенева, объективен, то есть «смотрит на природу (одушевленную и неодушевленную) не с какой-нибудь исключительной точки зрения, а так, как на нее смотреть должно: ясно, просто и с полным участием; он не мудрит, не хитрит, не подкладывает ей посторонних намерений и целей: он наблюдает умно, добросовестно и тонко; он только хочет узнать, увидеть».⁶² Именно такой взгляд на природу, «простота, естественность» отношения к ней, «великие и простые слова», чтобы передать «простоту и величие» природы были у Пушкина, Гоголя и Шекспира, гениев «объективного» творчества. Тургенев называет Пушкина «по духу своему действительно древним поэтом»⁶³ и противопоставляет «простоту, естественность» его отношений к природе творчеству «полуженских поэтических личностей»,⁶⁴ в частности Тютчева, Фета и А. Шенье. Позднее Тургенев напишет о «смеси страстности и спокойствия» в «поэтическом темпераменте» Пушкина, об «объективности его дарования, в котором субъективность его личности сказывается лишь одним внутренним жаром и огнем».⁶⁵ Таким образом, именно «величие и простоту» языка и композиции, «простоту и естественность» взгляда художника на мир считал Тургенев главными составляющими «объективного письма» и стремился к этому при переходе к «новой манере». Отношение к «субъективизму» «полуженских поэтических личностей» у Тургенева в начале 1850-х годов было резко отрицательным. Понятие «субъективного» во многом было синонимично для Тургенева понятию «лирического», поэтому и называл талант Е. Тур «лирическим», «зависимым».

Для Григорьева понятие «субъективного» также было чрезвычайно значимым. Его годовые обзоры литературы служили «для развития понятия искренности через вопрос об объективности и субъективности

⁶² Там же. С. 517.

⁶³ Там же. С. 521.

⁶⁴ Там же.

⁶⁵ Там же. Т. 12. С. 345.

во взгляде поэта на мир». ⁶⁶ Раскрытию понятия «субъективное» и выявлению причин болезненности современной литературы критик посвятил часть годового обзора за 1852 год. Григорьев вновь подверг критике «болезненный бред писателей натуральной школы» ⁶⁷ и высказал тонкое наблюдение о «сближении в общих чертах и мирозерцании» натуральной школы и «болезненной поэзии». Анализируя творчество А. Фета, «поэта субъективного, поэта одной из самых болезненных сторон сердца современного человека», ⁶⁸ Григорьев предпринял попытку (в традициях статей Белинского последнего периода творчества) выделить «физиологические признаки» (термин Григорьева) «болезненной литературы» (поэтической и прозаической): «описывание частных, случайных подробностей действительности», «придача всему случайному значения необходимого», «преобладание особенности и случайности в выражении, <...> дошедших до неясности и причудливого уродства; <...> все такие качества происходят от непомерного развития субъективности». ⁶⁹

Представляется очень важным, что фактически «синхронно» в статьях Тургенева и Григорьева возникают оппозиции «объективность/субъективность», «простота/болезненность» и наблюдения о взаимосвязи «субъективности — болезненности — лиризма» (замечание о «тонко развитых, нервических, раздражительно-поэтических личностях» ⁷⁰ у Тургенева и замечание Григорьева о «некотором оправдании», даже особой «прелести» болезненной манеры в лирике) и недопустимости субъективизма в прозе («объективном роде творчества»). ⁷¹ Важно, что писатель и критик, одновременно констатируя болезненность современной литературы, пытались найти выход из нее: Тургенев — в «новой манере», опираясь на пушкинскую поэзию с ее «простотой и естественностью», Григорьев — в «новом слове» Островского, в его «коренном русском мирозерцании, здоровом и спокойном, юмористическом без болезненности, прямом без увлечений в ту или другую крайность <...>». ⁷²

⁶⁶ *Виттакер Р.* Аполлон Григорьев — последний русский романтик. СПб., 2000. С. 143.

⁶⁷ *Русская изящная литература в 1852 году.* С. 29.

⁶⁸ Там же. С. 42.

⁶⁹ Там же. С. 52–53.

⁷⁰ *ПССиП(2).* Соч. Т. 4. С. 519.

⁷¹ *Русская изящная литература в 1852 году.* С. 53.

⁷² Там же. С. 19. Необходимо отметить, что Григорьев неоднократно критиковал произведения Тургенева за болезненность, субъективизм, отсутствие объективности. Например, в обзоре журнала «Современник» за 1850 г. критик писал: «Беда

В упомянутом выше письме к П. В. Анненкову о «роковой связи литературы и жизни» Тургенев сформулировал важную мысль о том, что литератор, слова которого «получают крепость и прочность жизни народной», способен «сосредоточиться», потому что «у себя в центре опять находит натуру — и всю натуру — потому что сам — натура <...>. Иной сосредоточится — и вдруг делается прост, чист и ясен — как ноль». ⁷³ Возможно, спустя десятилетия, в Речи по поводу открытия памятника Пушкину именно эту мысль повторил Тургенев, назвав Пушкина «поэтом центральным, самому к себе тяготеющим». ⁷⁴ Центристемительные, «положительные» тенденции в русской литературе писатель связывал с поэзией Пушкина, простой, чистой и ясной. В «Предисловии к романам» (в издании 1880 г.) писатель, делаясь сокровенными мыслями, вновь отметил, что «талант настоящий никогда не служит посторонним целям и в самом себе находит удовлетворение; окружающая его жизнь дает ему содержание — он является ее *сосредоточенным*

в том только, что на все свои картины г. Тургенев накладывает туманный, серенький колорит, что на самые простые явления **смотрит он под своим углом зрения**, <...> от этого, читая его произведения, любишь в них поэта, но как-то невольно не доверяешь истине самого создания, чувствуешь как-то, что описываемое было на деле не так, как оно описано, что многому в сущности **неважному или случайному придано значение типического** под влиянием известного настроения души, известного направления мышления» (*Григорьев А. А.* > Современник в 1850 году (Окончание) // Москвитянин. 1851. № 3. С. 386–387. Выделено мною. — *М. С.* Об авторстве см.: *Егоров Б. Ф.* Аполлон Григорьев — критик. С. 229–230). В следующих рецензиях Григорьев вновь советует автору «Записок охотника» не принимать «частное и случайное за типическое» и стряхнуть «гнет болезненного взгляда».

⁷³ ПССиП(2). Письма. Т. 2. С. 207.

⁷⁴ Там же. Соч. Т. 12. С. 347. Важно подчеркнуть, что «простота, чистота и ясность» художественного слова связаны были у Тургенева прежде всего с именем Пушкина, а не Гоголя. Можно даже с большой долей осторожности предположить, что после публикации «Выбранных мест из переписки с друзьями» с именем Гоголя ассоциировалось у писателя представление о «болезненности» в литературе. Недаром в очерке о Гоголе основным является впечатление «усталости, болезненного, нервического беспокойства» Гоголя. «Какое ты умное, и странное, и больное существо!» — пишет в заключении Тургенев (Там же. Т. 11. С. 58). Оговаривая, что натуральная школа не поняла своего учителя, Григорьев также соединял понятия «гоголевские традиции» и «болезненность» литературы, хотя это определение имело у него иную природу в отношении Гоголя, чем у Тургенева (подробнее об отношении к творчеству Гоголя у Тургенева и Григорьева см.: *Саррина М. Я.* Гоголь и Гёте в творческом диалоге И. С. Тургенева и А. А. Григорьева (1845–1850) // Тургеневский ежегодник 2008–2009 года / Сост. и ред. Л. А. Балыкова, Л. В. Дмитрихина. Орел, 2010. С. 58–65).

отражением <...>». ⁷⁵ Не находя «в центре» (то есть в душе) природы, художник, по мысли Тургенева, стремится «наружу», поэтому «только и живет, что бегом то наружу — то внутрь». ⁷⁶ Отсюда рассредоточенность, болезненность литературы. Себя Тургенев также характеризовал с иронией: «...мы с Вами сидим в мелочных лавочках и удовлетворяем ежедневным и преходящим потребностям. Впрочем, и это имеет свою хорошую и полезную сторону <...>». ⁷⁷ Подобная самоирония, возможно, имела почву и в некоторых замечаниях Григорьева о творчестве Тургенева.

При сопоставлении двух рецензий на роман «Племянница» возникает еще одна очень значимая параллель. «Историческая критика» Григорьева рассматривала художественные произведения в их взаимосвязи и преемственности. Так, роман «Племянница» в обзоре литературы за 1851 год Григорьев анализировал с точки зрения принадлежности его к одному из двух ведущих литературных направлений — лермонтовскому или гоголевскому.

Называя творчество Гоголя «исходной точкой» современной литературы, критик утверждал, что «слово Лермонтова» «было не способно к дальнейшему развитию». Сущность лермонтовского направления — «протест личности против действительности», вызванный «болезненным развитием самой личности», а не ясным сознанием идеала. Это «слово борьбы без основ, страданий без исхода» было не способно к дальнейшему развитию, и идущие вслед за Лермонтовым «впали или в смешное <...>, или в безобразный фатализм». ⁷⁸

В годовом обзоре «Русская изящная литература в 1852 году» критик уже констатировал смерть лермонтовского направления, а «самым замечательным остатком, сознательно и бессознательно засвидетельствовавшим все бессилие и бессодержательность этого направления», ⁷⁹ Григорьев назвал роман М. В. Авдеева «Тамарин». Здесь же критик развил мысль о тех представителях школы Лермонтова, которые «впали в смешное», создавая «пословицы» о «разочарованных героях и разочарованных героинях», ⁸⁰ имея в виду использование некоторыми авторами

⁷⁵ ПССиП(2). Соч. Т. 9. С. 396.

⁷⁶ Там же. Письма. Т. 2. С. 207.

⁷⁷ Там же.

⁷⁸ Русская литература в 1851 году. Статья третья. Современная словесность в отношении к своей исходной исторической точке // Москвитянин. 1852. № 3. С. 54.

⁷⁹ Русская изящная литература в 1852 году. С. 7.

⁸⁰ Там же. С. 8.

драматического жанра, введенного в литературу А. де Мюссе и получившего название «пословиц». Григорьев назвал эти «пословицы» «невинными отпрысками лермонтовского направления» и выделил их родовые признаки: «великосветская сфера жизни», «разочарованные герои», «развитые женщины, которые преимущественно занимаются тем, что называется технически игрою в чувство», что помогает им показывать «противоестественные свойства прекрасной и изящно развитой личности». ⁸¹ «Главная задача авторов подобных произведений — тонкость: тонкость чувствований, тонкость разговоров, тонкость стана героинь, тонкость голландского белья героев — тонкость такая, что стан, того и гляди переломится <...>; чувства, того и жди — совсем испарятся или улетучатся; тонкость голландского белья чуть не ставится главным признаком достоинства человеческого». ⁸² «Претензии на разочарование» — вот главная отличительная черта этих «отпрысков лермонтовского направления».

Возвращается в этой статье критик и к творчеству Евгении Тур: «В нескольких таковых пословицах, к сожалению, грешна и г-жа Евгения Тур», ⁸³ — писал Григорьев, имея в виду «сцены из светской жизни» «Первое апреля». Критик констатировал неспособность автора владеть драматической формой, «требующей рельефности образов и колоритности речи». ⁸⁴ «Чтобы изобразить светскую жизнь художественно, — утверждает критик, — нужно приблизить ее так или иначе к массе читающей публики, *выставить рельефно ее комические стороны*». ⁸⁵ Отмечая внимание Е. Тур к «блестящим и холодным формам большого света человеческих отношений» ⁸⁶ в качестве одного из основных признаков принадлежности романа «Племянница» к умершему лермонтовскому направлению, Григорьев указывал и ее предшественников: В. Ф. Одоевского, Н. Ф. Павлова и В. А. Соллогуба. У всех этих писателей, несмотря на разницу мирозерцаний, «представление о сфере большого света почти одинаково, а именно: эта сфера является какою-то

⁸¹ Там же.

⁸² Там же. С. 8–9.

⁸³ Там же. С. 8.

⁸⁴ Григорьев А. Русская литература в 1851 году. Статья четвертая. С. 99.

⁸⁵ Тургенев также подверг критике это произведение, назвав его «неудачной попыткой в роде, совершенно чуждом для г-жи Тур, — в роде драматическом <...>» (ПССиП(2). Соч. Т. 4. С. 476). И критик, и писатель в то же время выделили отрывок из романа «Племянница» «Антонина», опубликованный отдельно.

⁸⁶ Григорьев А. Русская литература в 1851 году. Статья четвертая. С. 102.

всепоглощающей и вместе обаятельно-влекущей бездной, с которой коллизия не обходится без трагических последствий».⁸⁷

Аналогичный прием использовал Тургенев в рецензии на роман «Племянница», выявляя «преемственные и последовательные» связи в литературном процессе. Интересно следующее наблюдение: в князе Чельском «выразился общий тип, <...> для которого благодаря одной повести существует нарицательное имя — тип Тамарина. Чельский — это столичный Тамарин, точно так же, как Тамарин — провинциальный Чельский...».⁸⁸ Объединяет этих героев «беспокойно-шепетильный эгоизм, та же претензия праздности, то же отсутствие всякого интереса, та же мелкая даровитость при бесконечной самонадеянности, тот же дилетантизм самосознания, та же бедная, при всем кажущемся богатстве, нищенски-бедная натура».⁸⁹ Эта мысль Тургенева о литературном типе Тамарина, высказанная в январском выпуске «Современника», очевидно перекликается с размышлениями Григорьева, напечатанными в апреле, о «великосветском герое» Тамарине с его «претензией на разочарованность» как о ярчайшем герое умершего лермонтовского направления.⁹⁰

Вообще, в рецензиях Тургенева и Григорьева на роман «Племянница» столь много схожих суждений, что говорить об антагонизме писателя и критика в данном случае не представляется возможным. Во-первых, это мысль о «невольной нежности» автора к Чельскому, о воздействии на автора «дешевого изящества самодовольной светскости, этого ложного аристократического блеска».⁹¹

⁸⁷ Григорьев А. Русская литература в 1851 году. Статья четвертая. С. 102.

⁸⁸ ПССиП(2). Соч. Т. 4. С. 483.

⁸⁹ Там же.

⁹⁰ Очень важно помнить, что отношение Тургенева к литературному наследию Лермонтова принципиально отличалось от взглядов Григорьева. Поэтому характеристика Григорьевым Тамарина как героя умершего лермонтовского направления должна была вызвать серьезные возражения у писателя. В статье «De la littérature russe contemporaine» («О современной русской литературе») писатель отметил особую энергию, «глубину и порывистость» лирики Лермонтова, которого вдохновляла «не мизантропия пресыщенного и разочарованного сердца», а «негодование против вынужденной бездеятельности, не скука, порожденная пустотой жизни, а ненависть к ней» (ПССиП(2). Соч. Т. 12. С. 512–513. Подлинник по-франц.). Лермонтовский герой — для Тургенева это герой борьбы, а не разочарования. Поэтому тип эгоиста Тамарина, по мысли писателя, хоть и стал нарицательным, но к лермонтовскому направлению не может относиться. Более того, можно предположить, что, давая в ряде статей высокую оценку творчеству Лермонтова, Тургенев внутренне полемизировал с Григорьевым.

⁹¹ ПССиП(2). Соч. Т. 4. С. 484.

И Тургенев, и Григорьев видели в Чельском лицо комическое. Тургенев в рецензии высказал пожелание, чтобы лицо Чельского «как всякое комическое лицо не выходило бы из-под иронической власти своего творца, из-под бича сатиры, или если этот бич для такого существа слишком тяжелое орудие, так пусть хоть изредка побрякивают над ним гремушки веселой насмешки».⁹² Замечание Григорьева аналогично: ошибка автора в том, что он «постоянно смотрит на светские отношения трагически», тогда как лучше пояснила бы читателю характеры героев «комическая точка зрения».⁹³

Сходные суждения высказали писатель и критик об образе Ильменева. «Отчего Ильменев <...> непременно должен быть неловок, неуклюж, некрасив и молчалив <...>», — задается вопросом Тургенев и пишет о традиционной в литературе антитезе «блестящего, холодного и ложного характера с характером истинным, теплым, но уж слишком тусклым».⁹⁴ Григорьев на предполагаемое утверждение читателя: «Ильменев *так* выставлен, *так* описан автором, что не может возбудить в женщине иного чувства», — отвечает вопросом: «...мы спросим вас, *во-первых*, почему он *таким* выставлен, *во-вторых*, почему это воплощение благородных стремлений так мало удалось автору романа, вышло так бесцветно и вместе ходульно? *в-третьих*, почему оно обречено целых четыре части быть каким-то очистительным козлицем?».⁹⁵ Критик отмечает: у героини нет ясного осознания стремлений, ее представления о правде, истине обусловлены принадлежностью к высшему свету. Поэтому и в Чельском ее привлекает лишь форма без содержания, то есть «блестящий лоск».

И Тургенев, и Григорьев, на первый взгляд, высоко оценивают роман Е. Тур. Григорьев называет «Племянницу» одним из наиболее ярких произведений литературного года и констатирует, что «давно уже ни один роман не возбуждал такого сильного интереса в минуту своего появления, как роман г-жи Тур, и давно уже литературное произведение не подавало повода к толкам более противоречащим».⁹⁶ Тургенев также пишет о «блестящих надеждах, возбужденных г-жою Тур», которые «оправдались настолько, что уже перестали быть надеждами».⁹⁷

⁹² Там же. С. 483–484.

⁹³ Григорьев А. Русская литература в 1851 году. Статья четвертая. С. 105.

⁹⁴ ПССиП(2). Соч. Т. 4. С. 484–485.

⁹⁵ Григорьев А. Русская литература в 1851 году. Статья четвертая. С. 103.

⁹⁶ Там же. С. 98.

⁹⁷ ПССиП(2). Соч. Т. 4. С. 476.

Однако, при видимом желании дать положительную оценку роману и похвалить автора, подлинное отношение к роману «Племянница» и его автору у писателя и критика было скорее ироническим. Эта ирония выражена открыто в рецензии Тургенева и почти не видна в отзыве Григорьева. Серьезность тона рецензии обусловлена, очевидно, тем, что роман «Племянница» был очень «удобен» для анализа с точки зрения «исторической критики», наглядно иллюстрируя связь мирозозерцания творца и его произведения (критик, повторяем, отождествлял автора и ее героиню Машу).

Наиболее ярко иллюстрирует отношение Григорьева к творчеству писательницы документ, не предназначавшийся для публикации. В «Окружном послании и правилах отношений критики „Москвитянина“ к литературе русской и иностранной, современной и старой», подготовленном в 1855–1856 годах для М. П. Погодина во время горячих споров о судьбе журнала «Москвитянин», критик разделил «современную литературу на две полосы: 1) дельную, настоящую, русскую, имеющую предметом анализ отношений правильных, общерусских, и 2) вздорную, поддельную, подражательную, имеющую предметом такие отношения, до которых никому нет дела, кроме особенно-тонких, то есть морально и умственно развращенных личностей».⁹⁸ Творчество Е. Тур Григорьев относил к литературе второго типа и считал, что по отношению к литературе «вздорной и праздной» необходимо «принять за правило: смеяться беспощадно 1) над тонкостью ее анализов, выводя на свежую воду, какой моральный и умственный разврат под ними скрывается; 2) над ее склонностью к комфорту, светскому лоску <...>. К литературе аблятивусов, всех без исключения, относиться с постоянною ирониею, никогда не позволяя себе о романах разных госпож от Евгении Тур до гр. Р<остопчиной> включительно говорить много, серьезно и как будто о деле».⁹⁹ Нельзя не отметить близость тона и идей «Окружного послания...» и статьи Тургенева о романе «Племянница». Возможно, при написании этого документа Григорьев еще раз перечитывал статью Тургенева.

Сопоставление взглядов Тургенева и Григорьева на конкретное литературное произведение, которое оба автора, безусловно, в большей степени рассматривали как материал для постановки важнейших проблем теории литературы, чем как значимое литературное явление (именно об этом свидетельствуют иронический тон статьи Тургенева и

⁹⁸ Егоров Б. Ф. Аполлон Григорьев — критик. Ст. 1. Приложения. 1. С. 227.

⁹⁹ Там же. С. 228.

более позднее признание Григорьева), позволяет говорить о преимущественном единстве эстетических критериев в оценке художественного текста.¹⁰⁰ Писатель и критик в своих рецензиях, в отличие от многих современников, делали акцент не на дилемме художественность/социальность произведения, а размышляли о вопросах художественного метода, о «тайне», «психологии» истинного творчества, которое должно быть прежде всего объективным.

В работах 1851–1853 годов Григорьев пытался объединить частное и общее, творца и действительность, произведение искусства и время, комизм и созерцание идеала в категории «миросозерцание» художника, то есть стремился к синтезу. «Новое слово» Островского должно было стать синтезом простоты, спокойствия и комического взгляда на действительность с целью выявления ее недостатков. Не преуменьшая значения социальной и общественной проблематики литературного произведения, Тургенев также в это время решал для себя важнейшие проблемы искусства. Не случайно в эти годы в поисках синтеза, простоты и целостности в искусстве он обращается к ушедшим гениям — Пушкину, Гоголю, Шекспиру, утверждая необходимость в современной литературе как пушкинского, так и гоголевского направлений.

Мысль о необходимости синтеза в искусстве, об объективности, которая не мыслима в ситуации выбора общественно-литературных направлений, объединяет творческие искания Тургенева и Григорьева. Однако необходимо отметить многообразие «интонаций» творческого диалога Тургенева и Григорьева в начале 1850-х годов: от «спокойных» (по поводу творчества Е. Тур) до «высоких», «нетерпимых». Именно такие интонации диалога писателя и критика прозвучали в феврале — апреле 1852 года.

21 февраля (4 марта) 1852 года в Москве умер Гоголь, о чем Тургеневу в тот же день сообщил В. П. Боткин. Эмоциональное состояние писателя, вероятно, наиболее ярко иллюстрирует его письмо к И. С. Аксакову от 3 (15) марта 1852 года: «Скажу вам без преувеличения, с тех пор, как я себя помню, ничего не произвело на меня такого впечатления, как смерть Гоголя <...>. Эта страшная смерть — историческое со-

¹⁰⁰ Мнения обозревателей журналов о романе «Племянница» и о драматических произведениях Е. Тур во многом совпадали. Так, вопрос об особенностях женского таланта, его «неправильности», «непредсказуемости», затронули многие обозреватели журналов. Например, в рецензии на повесть «Ошибка» о «свойственной женщинам пылкости и увлекательности рассказа» рассуждал критик В. П. Гаевский (Современник. 1851. № 2. С. 51).

бытие — понятна не сразу; это тайна, тяжелая, грозная тайна — надо стараться ее разгадать... но ничего отрадного не найдет в ней тот, кто ее разгадает... все мы в этом согласны. Трагическая судьба России отражается на тех из русских, кои ближе других стоят к ее недрам — ни одному человеку, самому сильному духом, не выдержать в себе борьбу целого народа — и Гоголь погиб! <...> Благородным людям должно теперь крепче, чем когда-нибудь, держаться за себя и друг за друга. Пускай хоть эту пользу принесет смерть Гоголя...».¹⁰¹

Безусловно, именно идеи единения «благородных людей» перед лицом этого важнейшего «исторического события», осознание необходимости забыть после «страшной смерти» великого писателя все литературные и общественно-политические споры, связанные с его неоднозначной личностью, были основными для Тургенева в эти трагические дни. Спустя три дня после смерти Гоголя (24 февраля (7 марта) 1852 г.) Тургенев написал некрологическую статью и предложил ее к опубликованию в газете «С.-Петербургские ведомости»; вскоре последовали арест и ссылка.

Эти трагические события совпали по времени с публикацией в № 4 журнала «Москвитянин» заключительной статьи обзора «Русская литература в 1851 году» Григорьева о комедии Островского «Бедная невеста». В предыдущих статьях годового обзора Григорьев не просто вступил в разгоравшийся с новой силой в литературе спор сторонников и противников натуральной школы, но и вновь высказал мысль о неоднородности натуральной школы, которая не смогла понять и сохранить цельное и гармоничное художественное гоголевское слово. Фактически Григорьев поставил под сомнение перспективы существования гоголевского направления, лучшие представители которого «лишь носят на себе признаки таланта, самобытности»; «разумное историческое и самостоятельное последствие» гоголевского слова критик видел исключительно в творчестве самого писателя или «в могущественных силах какого-нибудь нового яркого таланта».¹⁰² О таком таланте, главе направления, которое должно сменить гоголевское, критик написал в четвертой, заключительной статье обзора «Русская литература в 1851 году», посвященной анализу текущих литературных явлений: «От кого именно ждем мы этого нового слова, мы имеем право сказать уже прямо в настоящую минуту: „Бедная невеста“ предстоит суду публики, и <...>

¹⁰¹ ПССиП(2). Письма. Т. 2. С. 125.

¹⁰² Григорьев А. Русская литература в 1851 году. Статья вторая. С. 28.

в этом новом произведении автора комедии „Свои люди — сочтемся“ мы видим новые надежды для искусства». ¹⁰³

Статья Григорьева была написана и сдана в печать до известия о смерти Гоголя. В следующем годовом обзоре критик открыто написал о великой роли гоголевского гения, которую, впрочем, никогда не преуменьшал. Однако в те трагические дни размышления Григорьева о бесперспективности так называемого «гоголевского направления» и его восторги по поводу «нового слова» были, конечно, абсолютно не уместны: они слишком контрастировали с размышлениями потрясенного смертью Гоголя Тургенева. В эти тяжелые дни (как указывает Л. Н. Назарова: не ранее 19 февраля и не позже 29 февраля) Тургенев написал рецензию на комедию Островского «Бедная невеста», полемически направленную против Григорьева. Эта рецензия содержала критическую оценку позиции Григорьева, утратившего, по словам Боткина, «„последнюю каплю рассудка, оставшуюся у него“, — восторгаясь чтением сего произведения <„Бедной невесты“>, в котором усматривает — целые миры». ¹⁰⁴

Основное положение статьи Тургенева состоит, по словам Л. Н. Назаровой, в том, что «сильные стороны пьесы Островского „Бедная невеста“ связаны с гоголевским влиянием, что Островский является писателем гоголевского направления и может оправдать надежды, которые возлагаются на его талант, только двигаясь по этому пути». ¹⁰⁵ В этом утверждении несомненна связь между размышлениями Тургенева о значении Гоголя и «горестной тайне» его смерти и реакцией писателя на статью Григорьева, утверждавшего необходимость «нового слова» в литературе и тем самым невольно принижавшего значение Гоголя и «гоголевского направления» в русской литературе.

В статье «Несколько слов о новой комедии г. Островского „Бедная невеста“» Тургенев, хотя и не называет прямо имени Григорьева, однако открыто объясняет свое обращение к творчеству Островского необходимостью выразить свое отношение к «писателю, так высоко поставленному сочинителями московских критик». ¹⁰⁶

Ситуация с критическими отзывами о комедии «Бедная невеста» является наглядной иллюстрацией методов «журнальной войны» в периодической печати середины XIX века. Резкость тона, часто несоот-

¹⁰³ Там же. Статья четвертая. С. 108.

¹⁰⁴ В. П. Боткин и И. С. Тургенев. Неизданная переписка. С. 26.

¹⁰⁵ *ПССиП(2)*. Соч. Т. 4. С. 665–666.

¹⁰⁶ Там же. С. 491.

ветствие высказываемого мнения о произведении истинному взгляду на него отличают отзывы многих рецензентов о новой комедии Островского. Известно, например, что Боткин упрекал Тургенева за «отчасти сладковатый тон статьи» и «считал главной задачей в критике Островского посрамление его апологета — Ап. Григорьева. На этом пути он не останавливался перед тем, чтобы в крайне резких тонах отозваться о комедии, которую сам расценивал как „произведение, достойное уважения“». ¹⁰⁷ Краевский, редактор журнала «Отечественные записки», требовал от рецензента Галахова еще большей, чем у Тургенева, резкости тона в противоположность «timbré» (тронутому — *франц.*) Григорьеву, воспевающему «оды» «новой комедии». ¹⁰⁸

Рецензия Тургенева во многом отличается от прочих отзывов в периодической печати. Тургенев «стремился прежде всего дать полезные советы талантливому драматургу и сделать это в такой форме, чтобы Островский захотел и смог ими воспользоваться». ¹⁰⁹

Эта настроенность на «дельность» критических замечаний и связанная с ней умеренность тона прослеживается и в обращениях Тургенева к Григорьеву, отношение к «критикам» которого у писателя в то время было во многом негативным. Например, говоря о том, что «психолог должен исчезнуть в художнике», Тургенев замечает: «Это, между прочим, не худо заметить и некоторым нашим критикам, которые считают долгом начать каждую свою статью *ab ovo*, как будто и в критике его убеждения, его коренные правила не должны перейти в плоть и кровь, и он всякий раз обязан выставлять их напоказ перед собой и читателями, как какие-нибудь верстовые столбы, чтобы не сбиться с дороги». ¹¹⁰ Очевидно, что в данном наблюдении отразились размышления писателя (думающего под влиянием «круга Белинского» об обращении к критической деятельности) о методе и приемах критики. Вероятно, объективность, серьезность, «дельность» критики при ее умеренности, желание сохранить идеалы Белинского, точнее — его восприятие роли критика как служителя искусства, а не как фельетониста-полемиста — являются отличительными особенностями метода Тургенева-критика.

¹⁰⁷ ПССиП(2). Соч. Т. 4. С. 665.

¹⁰⁸ См. об этом содержательную вступительную статью Л. Н. Назаровой к рецензии Тургенева: Там же. С. 663–667.

¹⁰⁹ Там же. С. 665.

¹¹⁰ Там же. С. 495. В то же время, упрекая Григорьева, Тургенев словно забывал о критических статьях Белинского первого периода творчества, которые также отличала экспромтность, нелогичность, диспропорциональность. См. о творческом методе Белинского: *Егоров Б. Ф.* О мастерстве литературной критики. С. 91–99.

Противоположностью серьезному, умеренному тону размышлений Тургенева служит, например, критическая статья в журнале «Отечественные записки». Автор ее, А. Д. Галахов, высказывая достаточно важную мысль о литературной линии «Мерич — Тамарин — Печорин», заметил: «Видите ли, в чем дело: Том-Пусы критики, у которых прежде сама собою слезала с головы шапка при встрече с Печориным, вздумали (позднее раскаяние) отомстить себе за свое тогдашнее неразумение неразумением новым — намеренным нападением на Печорина. Толкуя о непосредственном отношении художника к действительности, они селятся сбить с пьедестала тот кумир, перед которым усердно кувыркались, подобно индийским дервишам».¹¹¹ Панаев в «Современнике» также с иронией написал об «исключительном положении автора в критике». Эта «чересчур услужливая критика, не имеющая ни в чем умеренности, ни в похвалах, ни в осуждениях, — критика, не говорящая слова спроста, а все с ужимками и с пафосом, восклицала по поводу г. Островского напыщенным слогом: „Вот грядет...“ и проч...».¹¹²

В критическом отзыве Тургенева главной была мысль о творческом кризисе Островского. «Полемически прозвучали в статье Тургенева утверждение, что высшие достижения творчества Островского непосредственно связаны с влиянием Гоголя, и намек на то, что комедия Островского не свободна от прямого подражания Гоголю».¹¹³ Главным аргументом Тургенева в полемике с Григорьевым, апологетом Островского, была идея о том, что «отход от гоголевских традиций приводит Островского не к открытию нового принципа, „нового слова“, составляющего эпоху в искусстве, а к снижению художественных достоинств и общественного значения его произведений».¹¹⁴ Полемична «торжественным пророчеством» Григорьева о «новом слове» последняя фраза статьи, в которой Тургенев утверждал, что последнее произведение Островского не внушает радостных надежд. Однако в 1880 году, готовя новое издание Собрания сочинений, Тургенев поначалу не хотел перепечатывать эту статью, но затем передумал и, убрав последнюю фразу, статьи написал подстрочное примечание, в котором признался, что его оценка «Бедной невесты» была неверной.¹¹⁵

¹¹¹ Критическая литература о произведениях А. Н. Островского. С. 127.

¹¹² Там же. С. 150, 151.

¹¹³ ПССиП(2). Соч. Т. 4. С. 664–665.

¹¹⁴ Там же. С. 665.

¹¹⁵ «Считаю нужным предупредить читателей, что, пробежав настоящую статью о „Бедной невесте“, писанную чуть не тридцать лет тому назад, я было раз-

Л. Н. Назарова справедливо отметила, что в обзоре «Русская изящная литература в 1852 году» Григорьев, согласившись с мнением Иногородного подписчика (Дружинина) о неуместности в разговоре об Островском снисходительного тона, каким «отозвались недавно о г-же Тур, авторе романа „Племянница“», «выразил согласие с одним из важных положений критического отзыва Тургенева о „Бедной невесте“ — с утверждением, что героиня пьесы Островского — Марья Андреевна недостаточно определена как характер, что она „скорее положение, чем лицо».¹¹⁶ Вместе с тем критик «Москвитянина», по выражению исследовательницы, «наносил „ответный удар“ Тургеневу, отрицательно отозвавшись в своем обзоре о ряде его произведений и противопоставив Островского как выразителя здорового мироощущения, ясного и правильного отношения к действительности Тургеневу, представляющему, как утверждает А. Григорьев, „болезненное“ обличительное направление литературы и искажающему действительность в угоду предвзятой мысли».¹¹⁷ Это наблюдение, на наш взгляд, требует уточнений. И прежде всего необходимо рассмотреть этот отзыв Григорьева в ряду его других высказываний о статье Тургенева.

думал ее перепечатать — и помещаю ее теперь скорее с целью некоторого самобичевания. Нечего говорить, что моя оценка „Бедной невесты“, одного из лучших произведений нашего знаменитого драматурга, оказывается неверной, хотя некоторые отдельные замечания, быть может, и не лишены справедливости. Как известно, А. Н. Островский посрамил мои опасения и более нежели оправдал мои надежды. Париж. 1879» (*ПССУП(2)*). Соч. Т. 4. С. 491). В одной из последних работ, посвященных Тургеневу и Островскому, высказывается недоверие к искренности поздней приписки Тургенева: «В самом деле: что это? То ли признание в том, что он тридцать лет назад неверно понял и оценил „одно из лучших произведений Островского“ (и в этом смысле его акция действительно становится актом „самобичевания“, вообще-то Тургеневу не свойственного)? То ли — указание на то, что „и на солнце есть пятна“ — и „некоторые отдельные замечания“ по поводу „Бедной невесты“ останутся справедливыми?» (*Кошелев В. А.* «...С целью некоторого самобичевания»: Отзыв Тургенева о «Бедной невесте» Островского // Актуальные проблемы теории и истории литературной критики (К юбилею В. В. Тихомирова). Сб. науч. статей. Кострома, 2011. С. 150). Трудно понять, откуда у автора статьи явился столь пренебрежительный, покровительственный тон по отношению к Тургеневу («„маститый“ рецензент», «поза „мэтра“»), которого он уже в первых строках свысока называет «прославленным „живым классиком“» (С. 149), можно только предположить, что В. А. Кошелев «заразился» приемами той «журнальной борьбы», которую исследует.

¹¹⁶ *ПССУП(2)*. Соч. Т. 4. С. 666–667.

¹¹⁷ Там же. С. 667.

В № 3 «Москвитянина» в разделе «Журналистика» появился еще один отклик на статью Тургенева «Несколько слов о новой комедии г. Островского „Бедная невеста“». Анонимный обозреватель (Т. И. Филиппов) писал: «В другой раз мы встречаемся с критикой г. И. Т., и оба раза с одинаковым удовольствием. — В январской книжке „Современника“ он высказал свое мнение о „Племяннице“ г-жи Тур со всей искренностью, какая ему только доступна, не похвалил в ней ничего дурного, не оставил без внимания ничего хорошего. — Точно так же он повел себя и в отношении „Бедной невесты“ г. Островского; в его рецензии прежде всего бросается в глаза желание сказать правду».¹¹⁸ Далее обозреватель отметил справедливость некоторых замечаний, хотя они «не совсем лестны» для комедии, и согласился с ними. К таким точным замечаниям он отнес фразу «психолог должен исчезнуть в художнике» и мысль Тургенева о «повторении одних и тех же слов лицами комедии». В то же время жесткой критике подверглись фразы о «сочинителях московских критик» и об Островском, писателе «действительно замечательном и даровитом». Рецензент «Москвитянина» спрашивал: «...если сочинители московских критик ставят писателя высоко, так это еще ничего не значит, и нужно ждать, что скажут сочинители петербургских критик? <...> И что это за выражение „сочинители московских критик“? Разве рецензент не знает, что сочинитель критики называется просто критиком? Или это желание уколоть? Зачем серьезному человеку, говоря о важном деле, увлекаться мелкими побуждениями?». «Немало смеха» у рецензента «Москвитянина» вызвала следующая «выходка» Тургенева: «*талант у г. Островского есть, и замечательный*». «Кто сомневался в этом?» — удивлялся рецензент и отмечал, что искренность автору статьи, который «не может освободиться от дурных привычек „Современника“» стоит «больших усилий».¹¹⁹

Отметил в статье Тургенева критик «Москвитянина» и ряд противоречий и (вслед за Григорьевым) согласился с его замечанием об отсутствии «живых черт» в образе Марьи Андреевны. Выдвинув свою трактовку финала комедии (о «ложных надеждах» и мечтах в безвыходном положении), обозреватель «Москвитянина» не согласился с мнением Тургенева о поведении Хорькова и о сходстве свих с персонажами комедии Гоголя «Женитьба». Выразил он и удивление по поводу «незаме-

¹¹⁸ <Филиппов Т. И.> Современник. Март // Москвитянин. 1852. № 8. С. 141. Об авторстве см.: Егоров Б. Ф. Аполлон Григорьев — критик. Ст. 1. Приложения. 1. С. 230.

¹¹⁹ Москвитянин. 1852. № 8. С. 142.

ченности» образа Дуни. И все же общая оценка статьи Тургенева была скорее положительной: в заключение своего обзора критик признался в «истинном удовольствии», с которым открывает новые статьи г. И. Т., потому что «видит в нем благородные усилия сказать крайнюю правду».¹²⁰

Эта статья не была подписана. Не вызывает сомнения, что в редакции «Современника» автором и этого отзыва на рецензию Тургенева считали Григорьева. Тем не менее это был последний номер «Москвитянина», в котором «Современник» обозревал Филиппов. Спустя месяц Григорьев определенно выразил свое отношение и к рецензии Тургенева, и к статье Филиппова в обзоре журнала «Библиотека для чтения».

Именно эту статью можно назвать непосредственным «ответом» Тургеневу. В ней Григорьев писал: «...из всех наших современных критиков <...> только самый парадоксальный — т. е. Иногородный подписчик встал в довольно прямое отношение к новой комедии Островского. <...> Статье г. И. Т. <...> отдана была полная справедливость в нашем журнале, за ее честное намерение сказать правду — хотя рецензент наш взглянул, как нам кажется, слишком снисходительно на ее поучительный тон. С другой стороны, по нашему личному разумению, он напрасно уступил так легко г-ну И. Т. — Марью Андреевну. — Мы лично готовы защищать в Марье Андреевне самую неопределенность ее характера, обусловленную и ее положением, и тем обстоятельством, что она только что начинает еще жить в настоящем смысле этого слова: мы видим в ней жажду жизни и жажду правды от жизни <...>».¹²¹ С точки зрения Григорьева, Марья Андреевна вовсе «не мечтательница, не резонерка», а «натура живучая, понимающая настоящее дело».¹²² Ее характер сформировался, с одной стороны, под влиянием среды («жизненной сферы»), с другой, — под влиянием чтения, идей, «присутствующих в воздухе современности». Григорьев спорил с Тургеневым, утверждая, что «книжная речь» Марьи Андреевны не недостаток, а «достоинство автора комедии», т. е. «голос настоящего чувства, только принявшего несколько начитанные формы».¹²³

Этот отзыв Григорьева потому представляет особый интерес, что жанр ежемесячного обзора давал возможность подробно говорить о кон-

¹²⁰ Москвитянин. 1852. № 8. С. 142.

¹²¹ <Григорьев А. А.> Библиотека для чтения. Апрель. № 4 // Москвитянин. 1852. № 9. С. 40. Об авторстве см.: Егоров Б. Ф. Аполлон Григорьев — критик. Ст. 1. Приложения. 1. С. 230.

¹²² Москвитянин. 1852. № 9. С. 40.

¹²³ Там же. С. 41.

кретной статье, обращать внимание на детали, например, спорить с Тургеневым о речи конкретного персонажа. К тому же этот отзыв можно считать «черновиком» годового обзора литературы, в котором Григорьев изложил свой взгляд на творчество Островского. Многие положения месячного обзора критик включил в годовой обзор, некоторые же изменил. К таким изменениям относится фраза «мы сами соглашаемся отчасти, что Марья Андреевна скорее положение, чем лицо <...>»,¹²⁴ которая фактически выражает согласие Григорьева с важным наблюдением Тургенева. Однако критик объясняет «неопределенность» характера Марьи Андреевны не «отсутствием жизненной необходимости» ее образа, как Тургенев, а юным возрастом героини («когда женщина вся состоит только из побуждений и неопределенных стремлений») и окружающей ее обстановкой, в которой «неоткуда было взять элементов для определения личности».¹²⁵

Несомненную значимость представляет и та часть статьи, в которой Григорьев анализирует отзыв Дружинина, противопоставлявшего творчество Островского традициям натуральной школы. В этой части рецензии также присутствует непосредственный диалог с Тургеневым, считавшим, что «ни одна сцена нового произведения г-на Островского не может сравниться с известной окончательной сценой „Своих людей“».¹²⁶ Григорьев упрекает петербургских критиков, и в частности Тургенева, в том, что они «готовы всегда полагать границы свободному творчеству» и требуют, чтобы Островский «ничего не писал в ином роде, нежели „Свои люди — сочтемся“».¹²⁷ Григорьев назвал это «смешным отношением нашей критики к высокодаровитым писателям».¹²⁸ В то же время критик считал грубой ошибкой мысль Дружинина об Островском как подражателе Гоголя. Ответ Григорьева Дружинину — это одновременно и ответ Тургеневу, видевшему гоголевское влияние в лучших произведениях Островского.

Обещая читателю подробный разговор об отличиях мирозерцания и манеры Гоголя и Островского, Григорьев в рецензии ограничился замечанием о том, что «ни одно из лиц в комедиях Островского, — не в манере Гоголя: даже сваха в „Своих людях“ и — сваха в „Бедной не-

¹²⁴ *Русская изящная литература в 1852 году*. С. 22.

¹²⁵ Там же.

¹²⁶ *ПССиП(2)*. Соч. Т. 4. С. 499.

¹²⁷ <Григорьев А. А.> Библиотека для чтения. Апрель. № 4 // Москвитянин. 1852. № 9. С. 41.

¹²⁸ Там же.

весте“». ¹²⁹ Главное отличие критик видит в «лирическом пафосе и карающем смехе» Гоголя, который «непременно возвел бы характеры Мерица и Милашина в трансцендентальные комические типы», и в «беспристрастном», но «полном любви — ко всем выведенным лицам» «прямом отношении» Островского. Григорьев противопоставляет в творчестве Гоголя и Островского и принципы создания художественного образа (например, Сквозника-Дмухановского и Большова), и самую манеру повествования («манеру выражения» — «страстную и тревожную» у Гоголя и «совершенно свободную и спокойную» у Островского), приходя к выводу, что «это — две совершенно различные художественские натуры — и что следовательно новое слово жизни вносится новым комиком в нашу литературу». ¹³⁰ Таким образом, он возвращается к своему спору с Тургеневым по поводу творчества Гоголя.

Очевидно, что Григорьев, внимательный и чуткий читатель, очень хорошо понял основную мысль рецензии Тургенева. Поэтому последняя фраза отзыва звучит словно непосредственный ответ писателю: «...смешно и недобросовестно будет заподозрить нас в пристрастии к Островскому на счет Гоголя. В настоящую минуту мы не осмелимся даже сопоставить их друг с другом. Полно, обильно плодами, могуче и пламенно было гоголевское слово — и далеко не раскрылось еще содержание слова нового комика». ¹³¹

В годовом обзоре «Русская изящная литература в 1852 году» Григорьев продолжил диалог с «близорукой» критикой, которая «крайне несправедливо» отнеслась к новой комедии Островского, отозвалась о ней «тем же тоном, как отозвались недавно о г-же Тур», «тоном покровительства объявила за новость, что у Островского есть талант», которой «сама искренность стоила больших усилий и которая при всем желании быть правдивой не хотела или не умела освободиться от дурных привычек того журнала, в котором действовала». ¹³² Все эти упреки напрямую относились к рецензии Тургенева. В то же время нельзя полностью согласиться с мнением Л. Н. Назаровой об «ответном ударе» Григорьева и — как следствие — его «отрицательных отзывах о ряде произведений» писателя. Во-первых, необходимо помнить об аресте Тургенева и жестких цензурных ограничениях в упоминании его произведений. А причины отрицательных отзывов Григорьева о тех произ-

¹²⁹ <Григорьев А. А.> Библиотека для чтения. Апрель. № 4. С. 42.

¹³⁰ Там же. С. 44.

¹³¹ Там же. С. 45.

¹³² *Русская изящная литература в 1852 году*. С. 16, 17.

ведениях (в частности, «Гамлет Щигровского уезда»), на которые он прежде писал положительные рецензии, вероятно, существеннее, чем обиды за печатные публикации.

В обзоре критик констатировал факт умирания лермонтовского направления, принявшего гоголевскую форму (то есть «работавшего над действительностью с постоянной задней мыслью о грубости этой действительности»)¹³³ Произведения этого направления он подразделял на две категории: обращенные на быт и на те, в которых «быт является удушливою сферою для прекрасных, страдающих и развитых личностей».¹³⁴ К первой категории критик отнес произведения Тургенева и Григоровича. Отмечая даровитость этих писателей, Григорьев отмечал искусственное и ложное в изображении народного быта и народного языка в их произведениях. «...Иногда они как будто изыскивают в крестьянской жизни такие черты, которые <...> возвышали бы простолюдина до образованного человека».¹³⁵ Беспощадную критику Григорьев обрушил и на натуральную школу, которая «существовала лишь для того, чтобы свидетельствовать противоположением о величии и достоинстве гения Гоголя». В ней выразились «колебание, брожение и наконец совершенная порча гоголевских элементов». Обличительное слово Гоголя было «полным и цельным», «последним, потому что **далее в его направлении идти нельзя и некуда**».¹³⁶

В этом обзоре критик, подводя итог целого литературного — гоголевского — периода, стремился создать целостный образ литературной эпохи и обратился для этого к своим прошлым работам, в частности, к рецензии на «Петербургский сборник» (1846). Здесь Григорьев впервые высказал мысль об оппозиции трагическое/комическое в литературе. По мысли критика, отношение художника к проблеме взаимоотношений личности и среды определяет, к какому направлению — трагическому (лермонтовскому) или комическому (гоголевскому) относятся его произведения. В обзоре литературы за 1852 год Григорьев назвал комизм «главным, преобладающим миросозерцанием», «клеюм, которым отмечено все живое и долженствующее жить в искусстве».¹³⁷

Констатируя смерть лермонтовского направления, критик назвал идеалы трагизма борьбы личности с действительностью «детскими, на-

¹³³ Там же. С. 9.

¹³⁴ Там же.

¹³⁵ Там же. С. 9–10.

¹³⁶ Там же. С. 6–7. Выделено мною. — М. С.

¹³⁷ Там же. С. 13.

скоро сложенными идеалами», «отжившими формами», которые сами «осознали свое бессилие», сами «обличили себя». «Отчаяние бессильного трагизма <...> находило минутное удовлетворение в болезненном хохоте над самим собою „Гамлета Щигровского уезда“ или в тоскливом плаче о своем бессилии в „Дневнике обыкновенного человека“, но <...> трагизм забывал <...>, что не посмеясь над самим собою — идти вперед невозможно».¹³⁸ Противопоставляя коренное русское мировоззрение Островского, здоровое и простое, «бессильному трагизму» «Гамлета Щигровского уезда», Григорьев дал этому произведению отрицательную оценку. Если в обзоре «Отечественная литература в 1849 году» (1850) критик написал, что герой рассказа, очень точно отражавший психологию людей 1840-х годов, вызывает «болезненное сочувствие» и является «вовсе не пародией на Гамлета, как кажется некоторым»,¹³⁹ то в 1853 году «болезненный хохот» героя Тургенева уже не вызывал у Григорьева никакого сочувствия. Однако вряд ли отрицательная оценка произведений Тургенева была только лишь «ответным ударом» Григорьева — слишком близки, родственны критику были и этот герой, уездный Гамлет, и само трагическое мирозерцание. Поэтому и писал он не только о необходимости (для движения вперед, к «живому в искусстве») разрыва с трагизмом, но и о «душевной боли», которая ощущается при «рассекании сознания», при «смехе над собой». Тем не менее, безусловно, отзывы Григорьева о творчестве Тургенева, по сравнению с рецензиями прошлых лет, были достаточно холодными.

В целом можно говорить о парадоксальности сложившейся ситуации. Журнальная борьба в эпоху «мрачного семилетия» не была острой и непримиримой, многие критики даже участвовали в работе враждебных журналов. В то же время следует констатировать, что Тургенев и Григорьев оказались «в плену» «журнальных войн». Мог ли Григорьев, «обидевшись» на Тургенева за рецензию о комедии «Бедная невеста», написанную в традициях «дурных привычек журнала» «Современник», «не заметить» таланта Тургенева-критика? Тургенев — в ситуации кризиса критического жанра после смерти Белинского — мог ли «не замечать», «сражаясь» с Григорьевым за наследие Гоголя и Белинского, искренности, демократизма, интонационной, структурной и стилистической близости работ Григорьева статьям «раннего» Белинского, целостности мировоззрения критика, его близости работам «неистового Виссариона» периода «Литературных мечтаний»? Мог ли «забыть» пи-

¹³⁸ *Русская изящная литература в 1852 году*. С. 14.

¹³⁹ *ОЗ*. 1850. Т. 68. № 1–2. Отд. V. С. 16.

сатель, что латинское крылатое выражение «начинать с яиц Леды», за которое он подсмеивался над Григорьевым, в «Литературных мечтаниях» использовал и Белинский.

Кульминацией «войны» между Тургеневым и Григорьевым в 1851–1852 годах следует, безусловно, считать факт создания писателем предисловия к отдельному изданию «Записок охотника», активную работу по подготовке к которому Тургенев вел весной 1852 года (5, 6 марта были получены разрешительные документы из Московского цензурного комитета, а уже 10 мая были готовы обе части книги). В статье «К вопросу об оценке литературно-критической деятельности И. С. Тургенева его современниками (1851–1853 годы)» Л. Н. Назарова пишет: «...как мы узнаем из письма Феоктистова от 24 марта, писатель набросал предисловие к своей книге. В печати оно, однако, не появилось; большую роль здесь сыграло то отрицательное отношение к этому предисловию, которое было выражено Феоктистовым в упомянутом нами письме».¹⁴⁰ Вот что писал Феоктистов Тургеневу: «...как не стыдно Вам писать такие предисловия к „Записк<ам> охотн<ика>“, как то, которое Вы прислали Боткину. Не вам вступать в полемику с полоумным Григорьевым за его нелепые и глупейшие критики. Ведь нападение его на Вас по поводу „Трех встреч“ только глупо и едва ли оскорбительно. Не думаю также, чтобы в публике могла родиться мысль, подобная той, которая пришла в башку Григорьева, и с этой стороны предисловие Ваше бесполезно».¹⁴¹ Как предположила исследовательница, это предисловие было уничтожено В. П. Боткиным, когда он и Феоктистов были привлечены по делу о напечатанной в «Московских ведомостях» статье Тургенева о смерти Гоголя.¹⁴²

Рассказ Тургенева «Три встречи» был опубликован в феврале, в № 2 журнала «Современник», а удивительно категоричная, отрицательная рецензия на это произведение — в № 5 журнала «Москвитянин» уже в марте. Безусловно, Л. Н. Назарова права в том, что «писатель был сильно раздражен как содержанием этой статьи, так и ее весьма ироническим тоном».¹⁴³ Автор статьи, называя рассказ «Три встречи» «сла-

¹⁴⁰ Назарова Л. Н. К вопросу об оценке литературно-критической деятельности И. С. Тургенева его современниками (1851–1853 годы) // Вопросы изучения русской литературы XI–XX веков / Отв. ред. Б. П. Городецкий. М.; Л., 1958. С. 165.

¹⁴¹ Письма Е. М. Феоктистова к И. С. Тургеневу. Ч. 1. С. 211.

¹⁴² Назарова Л. Н. К вопросу об оценке литературно-критической деятельности И. С. Тургенева его современниками (1851–1853 годы). С. 166. Сноска 24.

¹⁴³ Там же.

бым произведением», писал о «раздражительности праздной души» героя, «по которой он так малодушно отдается под власть впечатления, которая заставляет его караулить чужое свидание», и советовал автору именно эту черту «взять мотивом своего произведения», считая ее «благодарным предметом для сатиры».¹⁴⁴ Иронизируя над героем и стилем повествования, рецензент «Москвитянина» делал вывод о том, что «в этой истории нет ничего такого, что бы заслуживало чье-нибудь внимание; <...> зачем же доводить это до общего сведения?».¹⁴⁵ Обозреватель упрекал писателя в том, что он представляет только «наружность, телодвижения» героев, оставляя их характеры «для читателя тайной», то есть «грешит против своих обязанностей».¹⁴⁶

Однако и эта статья была не подписана. И Тургенев, и Боткин, как следует из свидетельства Феоктистова, вновь не сомневались в авторстве Григорьева. Как убедительно доказывает Б. Ф. Егоров, в марте 1852 года рецензентом «Москвитянина» был уже не Филиппов, а Алмазов, статьи которого отличали «острые и нестандартные высказывания», «ироническое остроумие».¹⁴⁷ Думается, что только некая предвзятость Боткина и Тургенева в отношении к Григорьеву явилась причиной того, что существенные отличия (и содержательные, и лексические, и стилистические) этой работы от статей Григорьева остались ими незамеченными.¹⁴⁸ Однако наибольший интерес представляет, безусловно, вопрос

¹⁴⁴ <Алмазов Б. Н.> Современник. Февраль. № 2 // Москвитянин. 1852. № 5. С. 28. Об авторстве см.: Егоров Б. Ф. Борьба эстетических идей в России середины XIX века. С. 28.

¹⁴⁵ Москвитянин. 1852. № 5. С. 28.

¹⁴⁶ Там же.

¹⁴⁷ Егоров Б. Ф. Борьба эстетических идей в России середины XIX века. С. 33.

¹⁴⁸ Против авторства Григорьева говорит лексический анализ статьи. Для работ критика, в те годы активно осмыслявшего проблему искренности в искусстве, совершенно не характерно преобладание общего неопределенного над личным, субъективным мнением. Поэтому свои рецензии он начинал с выражения личной точки зрения, с «мы», а не с общего: «заставляет критику обратить внимание». В данной статье присутствуют и совершенно несвойственные Григорьеву общие фразы: «суд критики», «занимающий в литературе видное место», «обратить внимание на слабые произведения» и т. д. Слова «слабый», «слабость» критик чаще всего употреблял только в одном значении: например, «мы имеем маленькую слабость к таланту г. Тургенева и в слабости этой признаемся открыто». Слово «слабый» в значении «неудачный» Григорьев заменяет такими синонимами, как «неудовлетворительность», «мало удовлетворяет», «не успокаивает требования». Также критик в рецензиях стремился не пересказывать текст, а (в традициях Белинского) цитировать его. Например, Григорьев цитировал диалог мальчиков из рассказа «Бежин луг»,

о том, как могла эта небольшая, «проходная» рецензия, вряд ли ставшая весомым аргументом в литературной полемике между Москвой и Петербургом, стать толчком к тому, чтобы Тургенев написал предисловие и ответил критику «Москвитянина», а также вопрос о том, каково было содержание этого предисловия.¹⁴⁹

Рассказ «Три встречи» никак не был связан с циклом «Записки охотника» и, следовательно, не мог упоминаться в уничтоженном предисловии. Поэтому можно предположить, что содержание предисловия, написанного спустя короткое время после смерти Гоголя и споров о комедии «Бедная невеста», было связано именно с этими событиями, точнее — с проблемой гоголевских традиций в русской литературе. Отдельное издание «Записок охотника» Тургенев, «ученик и малейший последователь» Гоголя, вероятно, мог посвятить Гоголю и иронически противопоставить свои рассказы «новому слову» в литературе. Не исключено, что именно упоминание имени Гоголя послужило причиной того, что В. П. Боткин уничтожил предисловие.

Готовя к выходу в свет отдельное издание «Записок охотника», писатель не мог не вспоминать Белинского, который приветствовал появление самых первых рассказов будущего цикла. В скрытой (по цензурным соображениям) форме противопоставление критического наследия Белинского работам Григорьева, писавшего о кризисе натуральной школы, не понявшей Гоголя, также могло содержаться в предисловии.

Таким образом, 1852 год можно по праву считать временем, когда творческий диалог писателя и критика был в определенной степени кульминационным. Несмотря на антагонизм Тургенева и Григорьева в вопросе о современном состоянии отечественной литературы (диалог о «новом слове» Островского и гоголевском направлении), сопоставление их мнений по вопросам современной литературы позволяет сде-

Митрюхи и Силиверста из «Разговора на большой дороге», выделяя наиболее важные, значимые для рецензии места курсивом. В данной же рецензии даже такой важный эпизод, который помог бы раскрыть тему народной нравственности, как сцена, в которой старик отвергает деньги г-на N, лишь пересказывается, а не анализируется.

¹⁴⁹ Проблема «реконструкции» предисловия к отдельному изданию цикла «Записки охотника» могла бы стать темой отдельного исследования. Выдвигая предположения о возможном содержании утраченного предисловия, необходимо учитывать тот факт, что оно, скорее всего, было написано под влиянием одного отзыва, одной конкретной статьи, а вовсе не являлось заранее продуманной, необходимой частью отдельного издания «Записок охотника», которая бы позволила читателю лучше понять авторский замысел.

лать вывод о близости эстетической позиции авторов, их взглядов на сущность и назначение творчества (вопрос об объективности и простоте творчества и пушкинском наследии), их отношения к проблемам творческого метода. Интенсивность и непримиримость диалога писателя и критика в указанный период обусловлена как событиями общественно-литературной жизни России (смерть Гоголя), так и субъективными факторами. Это, прежде всего, преданность Тургенева в это время журналу «Современник», с которым было связано для писателя наследие Белинского и память о «круге Белинского». С другой стороны — абсолютная, пламенная преданность Григорьева, идеолога «молодой редакции», журналу «Москвитянин», что уже отмечено исследователями. Антагонизм западнического «Современника» и славянофильского (хотя это определение нуждается в корректировке и пояснениях) «Москвитянина», а также традиционное противостояние между Петербургом и Москвой существенно повлияли на интонации диалога писателя и критика, но не сделали его устойчивым противостоянием, как этого, может быть, хотелось близким им людям, числившимся во враждебных лагерях.

Интенсивность диалога была обусловлена также необыкновенно серьезным отношением Григорьева и Тургенева (в противоположность «междуделию», очерковости, фельетонности, юмористической направленности статей многих критиков) к литературно-критической деятельности как таковой, осознанием важной роли критики в литературно-общественной жизни России. Именно в это время Григорьев взял на себя обязанности одного из ведущих критиков. В свою очередь Тургенев, подбадриваемый друзьями, также серьезно осмыслил перспективы своей критической деятельности. Волей или неволей оба стали в положение соперников. Не случайно 1852–1853 годы — время создания Тургеневым и Григорьевым самых ярких критических статей. Вскоре Тургенев, переходя к «новой манере», сконцентрировался на литературной деятельности и приступил к созданию романа, а Григорьев с 1854 года временно фактически прекратил деятельность литературного критика ради театральной критики и изучения фольклора.

Не следует упускать из виду, что и Тургенев и Григорьев осознавали, что потеряла русская критика с уходом из жизни Белинского, и оба, каждый по-своему, пытались возместить эту потерю.

Исследование творческого диалога писателя и критика в 1852–1853 годах позволяет сделать вывод о том, что при изменении объективных и субъективных факторов должен был измениться и характер, тон этого диалога. И действительно, объективные факторы и общественно-лите-

ратурная ситуация (в конце 1854 г. начался распад «молодой редакции» и кризис журнала «Москвитянин»); около 1855 г. в журнале «Современник» произошел перелом, вызванный приходом Чернышевского. Вскоре Чернышевский стал уже полностью определять концепцию отдела критики «Современника» и «круг Белинского» распался) привели к сближению Григорьева с кругом Тургенева. Полемика Чернышевского и Дружинина о путях развития русской литературы, в которую активно включился Григорьев, споря с Чернышевским и защищая в статье «Замечания об отношении современной критики к искусству» издание сочинений Пушкина, подготовленное П. В. Анненковым, поставили критика близко к тем, с кем он еще недавно так явно был в оппозиции. Не случайно Боткин, желая «нейтрализовать» Чернышевского в «Современнике», предлагал Некрасову привлечь Григорьева в журнал в качестве постоянного сотрудника. Начиная переговоры, Боткин обратился за помощью к Тургеневу и нашел у него понимание и поддержку. Именно весну 1856 года можно считать началом нового этапа творческого диалога писателя и критика, временем сближения Григорьева с «кругом Тургенева». В то же время период временного антагонизма по ряду вопросов послужил в определенном смысле толчком к уяснению собственных позиций и, в конечном счете, к большему взаимопониманию. Как будто прислушавшись к упрекам Григорьева, Тургенев в определенном смысле отходит от «гоголевского» направления, возвращаясь к эпической пушкинской простоте и ясности.¹⁵⁰ В свою очередь Григорьев, отойдя от кружковой узости «Москвитянина», ищет собственную трибуну и временно находит ее в журнале «Русское слово», где в 1859 году появится его блестящая статья, посвященная творчеству Тургенева, — «И. С. Тургенев и его деятельность. По поводу романа „Дворянское гнездо“».

¹⁵⁰ См.: *Лукина В. А.* Кому «жал» башмак Гоголя? // *И. С. Тургенев. Новые материалы и исследования.* М.; СПб., 2011. Вып. 2. С. 154–159.